

Часть первая ТЕАТР АБСУРДА

ГЛАВА 1, *В КОТОРОЙ ИСТОРИЯ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ БАНАЛЬНОЙ*

Традиционно принято считать, что женщина может быть либо замужем, либо нет. Третьего не дано. Замужние дамы носят обручальное кольцо, словно это какой-то орден Славы, а не простая безделушка из золота триста восемьдесят пятой пробы. Незамужнюю же мадам (вернее, мадемуазель, хотя к девушке «за тридцать» это слово уже не подходит) можно всегда узнать по идеальному макияжу, без которого она не выйдет даже к мусоропроводу. Мало ли кто там будет курить!

Первые относятся ко вторым с некоторым снисхождением, но в душе побаиваются какой-нибудь скрытой атаки на мужей. Мало ли что! Вторые презрительно пожимают плечами и говорят: «Да если бы я только захотела, то была бы замужем через пять минут! Я просто слишком разборчива!», хотя на самом деле их волнует только один вопрос: и что он в ней нашел?! Риторический вопрос, как вы понимаете. И, конечно, незамужние дамы в каждом симпатичном мужчине младше шестидесяти лет пытаются разглядеть Большую Любовь.

Мне намного проще жить на свете, поскольку я не принадлежу ни к одному из этих кланов. Я жрица чистой любви, которой ни к чему красить ресницы перед походом в булочную за хлебом. Мне ни к чему условности, поскольку я свободна как птица, хоть моя жизнь и наполнена самой чистой, самой прекрасной любовью на свете. Я — совершенное существо. Я уверенно стою на земле и спокойно отвечаю за себя пред лицом господ. Я — мать-одиночка. Да, у меня нет пресловутой стабильности, при которой я обязана подавать ужин в одно и то же время, но я и не одинока, поскольку прекрасный трехлетний мальчик уверен, что я — средоточие всего самого лучшего в мире, самая красивая, умная и добрая женщина на земле. Конечно, это мой сын Артем, Темка. Я абсолютно довольна жизнью, хотя всего четыре года назад, влюбленная и несчастная, пыталась заарканить одного сорокалетнего преподавателя истории. Он казался мне ответом на все мои молитвы. А вот его жена не была со мной согласна... Михаил Артурович оказался быстрее, выше и сильнее меня. Он остался со своей законной супругой, с кафедрой истории и со словами: «Извини, дорогая, но с чего ты взяла, что это именно мой ребенок?» И еще: «Если хочешь, я дам тебе денег на аборт»... И вот, беременная, порядком оскорбленная — но не одинокая (с лучшей подругой Ольгой Соловейка, заменившей мне психиатра, терапевта и отца ребенка), я была предоставлена своей судьбе.

— Я не могу без него жить! — уверяла я подругу в то время, как она лопала прописанную мне курагу и плевала на все мои стенания.

— Это без меня ты не можешь жить, потому что с детства я

у тебя вместо Деда Мороза — решаю все проблемы. А без какого-то козла, который тем более вlepил мне тройку по истории России, проживешь.

— Я его люблю! — настаивала я. — Я сделаю все, чтобы его завоевать! Он поймет, что лучше меня для него никого нет.

— Ну-ну, — усмехнулась Ольга, плеснув себе чаю. — Пляши, клоун, может, дадут конфетку.

— Зачем ты так? — всхлипнула я. — Это же трагедия.

— Я тебя уверяю, что уже через год ты посмотришь на это по-другому. — Ольга по очереди открыла все шкафчики на кухне, тщетно пытаясь что-то там найти.

— Чего ты там копаешься? — я приподняла бровь.

Ольга с задумчивым видом закрыла последний шкафчик и раздосадованно огляделась.

— Неужели в этом доме нет ни одной, самой завалющенькой шоколадки? — спросила она.

— Ты настоящий Карлсон! — возмутилась я. — У подружки горе, а она ищет шоколад. Лучше иди и скажи мне, какой он подлец, однозначно!

— Это тебе к Жириновскому надо. Значит, нет шоколада? — Ольга с надеждой уставилась на дверь кладовки.

— Посмотри в зеркало! Тебе не шоколад надо есть, а зеленую спаржу, — подколола я подругу. Ольга была нешуточных размеров и занимала значительную часть моей шестиметровой кухни.

— Спаржу надо есть тебе, — злобно фыркнула подруга и с мученическим выражением на лице доела курагу.

Самое интересное, что Ольга оказалась права. Не насчет

спаржи, конечно, а когда рассуждала о моем горе. Через год я действительно на все посмотрела иначе.

Артемичик носился и рожался на удивление легко. Он так сильно хотел появиться на свет, что готов был сидеть в моем животе тихо-тихо, не отвлекая меня от прямых обязанностей. Это я про мои наивные мечты «показать, как он ошибался» и «достучаться до его отцовского чувства». Михаил Артурович ходил по коридорам моего родного гуманитарного университета, глядя сквозь меня и игнорируя мои демонстративные комбинезоны для беременных.

— Еще ни одного мужика никто не удержал с помощью живота! — заверяла меня Ольга, жалостливо взирая на все мои «ходы конем». После чего сама влюбилась в Женюку Прошина, нашего светила программирования с параллельного потока, и немедленно принялась рожать ему детей.

— Ну вот! Работает же! — восклицала я, тыча пальцем в Ольгин штамп в паспорте. — Всего одна дочь и понадобилась!

— Не тренди. Он меня любит и без Васюты, — важно заявила Соловейка, сверкнув новеньким обручальным кольцом.

А потом, чисто для гарантий, в качестве контрольного выстрела прибавила к дочке Василисе сына Шурика, после которого Женюка стал волчком бегать по городу, зарабатывая деньги на все семейство. И конечно, эдакая семейная идиллия внесла бы невосполнимую брешь в нашу многолетнюю дружбу, если бы не тот факт, что мы неожиданно и почти одновременно стали обладательницами трех практически одинаковых по возрасту и степени шума-гама детей. Когда я начинала орать на трехмесячного Темку, не выдерживая его исполинского

четырёхчасового воя «ни минуты покоя, знайте, враги, я пришел», Оля выползала из своей квартиры на верхнем этаже и, беременная Васютой, шла, чтобы укачать Тему, пока я металась по району в поисках глотка свежего воздуха. Вскоре ситуация изменилась.

— Я сойду с ума! — кричала она на одномесячную Васюту, которой было хорошо только в одном положении — на маминых руках в режиме раскачивания с радиусом сто восемьдесят градусов.

— Иди погуляй, — вздыхала я и оставалась один на один с двумя голосящими младенцами.

Васюта плевалась и требовала мать, Темка кусал меня за грудь четырьмя зубами и отказывался выпускать сосок из губ хотя бы на минуту. Это была настоящая проблема, но трудности, как известно, сплачивают. Мы жили как одна семья. Особенно в те моменты, когда Женька был на работе.

Однажды, когда девятимесячный Темка игнорировал Олины погремущечные заигрывания и пытался сорвать с меня лифчик, ловко орудуя маленькими ручками, подруга сказала:

— Весь в отца! — имея в виду, естественно, моего сияющего историка.

— Странно, я совсем о нем не вспоминаю с тех пор, как Темчик родился, — поразилась я.

И действительно, место в моем сердце, до этого плотно занятое моей первой (не по счету, но по значимости) Большой Любовью — Михаилом Артуровичем, освободилось под грузом Темочкиных децибел, а впоследствии и вовсе было окончательно и бесповоротно занято им же самим.

— Зачем вспоминать идиотов? — философски отметила Ольга.

— Не знаю, идиот он или нет, вроде на учете в диспансере не стоит. А все-таки странно, что ему совершенно не интересно, как растет его сын. Все же это не слишком нормально, не считаешь?

— Это есть уникальное явление современности: одинокая мать, полностью владеющая самым драгоценным призом — сыном-наследником, — Ольга вещала, подняв вверх указательный палец. — Наш мир явно сошел с ума, если мужчина, вместо того чтобы с руками оторвать у тебя этого мальчика, а тебя посадить под замок, отпихивается, как только может, от самого большого счастья.

— Я бы поняла, если бы у него были сыновья в каждом порту, — подметила я, — но ведь нет, ни одного мальчика (насколько я была осведомлена, с законной женой у него была только одна дочь).

— Заметь, когда он об этом задумается, будет поздно! И потом, еще ни один мужчина не смог родить себе сына самостоятельно. Наше безумное время делает из мужчин манекенов. Они и сами уже не понимают, в чем наколка, — лила бальзам на мои раны добрая подружка.

— Ты знаешь, я так с тобой согласна, так согласна! — всхлипывала я. А Михаил Артурович, наткнувшись в институтском коридоре на меня с Артемкой в кенгурушке (я пришла получить диплом, который из-за родов и последовавшего караула так и валялся в деканате), с такой скоростью рванул в противоположном направлении, что я села и разрыдалась прямо посреди этого самого коридора. Последняя моя мечта

о том, как мой избранник прослезится от гордости, увидев круглое улыбающееся личико своего единственного сына, была жестоко разбита!..

— Не думаю, что он когда-нибудь о чем-то задумается, — зло сказала тогда Ольга. — А знаешь, пошел он! Сами вырастим!

— Причем всех, — кивнула я. Так мы и жили, Ольга с мужем и детьми, я — с Ольгой, а Артем со мной. Большая дружная семья. Откровенно говоря, прошло уже три года, за которые образ блистательного рыцаря в исторических доспехах несколько померк. И сейчас, когда Тема отправился нести свою трудовую вахту в детский садик, я окончательно оправилась от потрясения, связанного с крушением моей Большой Любви.

— Пора переходить к маленькой, — уверенно заявила Ольга. — Теперь, Юлька, ты сама должна получать удовольствие от жизни.

— Не могу сказать, что в прошлый раз я удовольствия не получала, — в целях справедливости возразила я. — Однако за удовольствие пришлось довольно дорого платить.

— Это цена за независимость, — подметила подруга. — Вот скажи, ты теперь мечтаешь выйти замуж?

— Если только за миллионера, — процедила я.

Работа операциониста в банке, которой я занялась после того, как сплвила ребенка в места детского заключения, дала мне неплохую финансовую независимость, а мечты о счастливом браке умерли вместе с рождением ребенка. Этим мы — матери-одиночки — и отличаемся от всего остального незамужнего женского мира. Мы уже понимаем, что почем и

как устроен этот мир, но при этом не страдаем комплексами и самообманом. Да, не замужем. Но и не одинока. Я мать — а этого для женщины более чем достаточно.

— А зачем тебе замуж за миллионера? — придуриваясь, изобразила удивление Ольга. Мы сидели с ней около подъезда, пытались вымотать до усталости и обессиливания весь наш энергичный и неумный выводок детей. На дворе облетал желтыми листьями теплый и мокрый октябрь, и домой мы не спешили.

— Например, я наняла бы няню, которая бы сейчас вместо меня перла бы Темыча домой и заставляла лезть в ванну, — немедленно нашла я применение миллионеру.

— А ты? — заулыбалась Оля.

— Я бы пила «джин с тоником», только без «тоники», читала бы какой-нибудь умный географический журнал и готовилась бы принять пенную ванну.

— Что-то я в этом раю не наблюдаю твоего миллионера! — поймала меня подруга.

Я вздохнула:

— Ты права, черт возьми. Он может идти по своим делам. Пусть только кредитную карточку оставит.

— Значит, теперь ты не ждешь любви, — констатировала Олечка.

— Ну, почему, — процедила я. — А впрочем, да. Если бы мужик как-то сильно помог мне решить все мои проблемы, еще может быть, а так... Самая Большая Любовь моей жизни уже в прошлом.

— Вернее, она бежит вон в той канаве, перемазанная как свинья.

Оля подорвалась с места и помчалась к детям. Она еще надеялась, что наши с ней разбойники, Васена и Артем, если и упадут в придорожную канаву, то хотя бы Шурика помилуют и оставят на суше. Не тут-то было. Малыши били без промаха, так что через несколько минут мы с Ольгой, пыхтя и ругаясь, тащили наших чумазных «ангелочков» по лестничной клетке, стараясь свести до минимума телесный контакт с ними. Иначе нам пришлось бы отстирывать и свою одежду тоже. Банальное и совсем обычное счастье после обычной банальной драмы.

А между тем вся эта страшно банальная жизнь совсем не казалась мне пресной или скучной. Жизнь делается ведь не внешним лоском и громкими событиями. Мне, например, редко когда приходилось скучать. Начать с того, что у меня имелась злющая и вреднейшая старшая сестрица, отравившая мне лучшие минуты детства. Галка испытывала мое терпение и сейчас, когда мы обе выросли.

— Кто бы мог подумать, что на тебе кто-то женится! — воскликнула сестрица, узнав, в каком я интересном положении. Когда же, к ее вящей радости, выяснилось, что жениться-то как раз на мне никто и не собирается, она не отказала себе в удовольствии повалиться на косточках. Самая настоящая Баба-яга. — Все совершенно объяснимо! Какая бы из тебя вышла жена?! — всплеснула она руками, игнорируя тот факт, что сама она была стерильно одинока и свободна. А ведь старше меня на восемь лет! Галка, кстати, и до сих пор все так же наивно и стойко красится перед тем, как вынести мусор, хотя за все ее тридцать три года жизни на нашей лестничной клетке так никто нужный и не закурил.

— Я прихожу в ужас, когда представляю, какая из нее выйдет мать! — патетично рассказывала она всем своим подругам. — Придется, как всегда, все делать за нее.

— Ага, — кивнула я и подумала, что если все будет как всегда, то моего мальчика ждет нелегкое детство.

Так что я нисколько не скучала. Нескончаемая война с сестрицей вносила разнообразие в мою жизнь. Галка ежедневно норовила доказать всем, что я отвратительная мать и если бы она имела сына... у нее, конечно, все было бы в идеальном порядке. Ну а моей задачей максимум было обеспечение надежной изоляции и защиты малыша от «любящей» тетки.

— Вы только посмотрите, в каком ребеночек виде! — медленно всплеснула руками Галина, лишь только мы с чумазым, но страшно довольным Артемом переступили порог дома.

— На-ка, возьми и отведи его в ванну, — я сделала вид, что отдаю ей Темку. Тетенька ожидаемо отшатнулась.

— Ты его испачкала — ты его и мой! — с важным видом заявила она, ретируясь в комнату.

Я с облегчением перевела дух. Мне надо было подготовиться к завтрашнему дню, самому длинному и тяжелому за всю неделю. Перед пятницей мне бы не хотелось тратить свои силы на словесную перепалку. Я быстро вымыла Артема, впихнула в его нагулянный голодный ротик гречневой каши с молоком и отправилась спать.

Сон — самое главное, самое важное естественное право человека. Спать в идеале надо не меньше восьми часов в день, правильно рассчитывая момент отхода ко сну, обеспечивая доступ свежего воздуха в помещение для сна и располагаясь на удобном ортопедическом матрасе, на котором ни-

что (и никто) не воспрепятствует твоему телу принять максимально удобное положение. Желательно за несколько часов до сна не есть и не заниматься активными делами. С утра просыпаться лучше самостоятельно, не пуская в ход механический звон будильника. Мало ли на какой стадии сна он вас выдернет? Вдруг из-за этого ваш организм не сможет достойным образом завершить ночной отдых? Что ж тогда делать? Кричать караул?

Лично мой организм может спать где угодно и когда угодно. Вначале, когда Тема только воцарился в нашей малогабаритной, смежной трехкомнатной квартире, набитой женщинами самых разных возрастов (Я, Галина, мамуля и бабуля), он спал с интервалом в полчаса. Именно так: полчаса ест, полчаса спит, полчаса орет. Галина влетала в мою комнату несколько раз за ночь и орала:

— Немедленно успокой его, это может ужасно сказаться на его здоровье! — я понимала, что речь идет вовсе не о его и даже не о моем здоровье.

— Купи беруши! — орала я ей вслед, но тогда Галка нашла железные аргументы, чтобы пробудить мою спящую дистрофичную совесть.

— Вот, от этих криков у бабушки поднялось давление! Сделай что-нибудь, а то бабушке придется вызывать «Скорую», — трагично вещала Галка, накапывая в моей комнате валидол.

Конечно, после этого я хватала Темку на руки и старалась заглушить малейший его писк. Сестрица отбивала спать, а у меня практически натурально к полугодию сына потекла крыша. Какие, на хрен, восемь часов! Набрать бы в общей сложности три!

— Попробуй спать с ним, — зевнула как-то, глядя на мое несчастное лицо, беременная и весьма хорошо отдохнувшая Соловейка.

— Что ты, это ж непедагогично! — воскликнула я.

— Наплюй! — уверенно кивнула она. — Здоровье дороже.

— Ты считаешь, я не нанесу вред его психике?

— А как насчет твоей? — резонно спросила Оля. Следующей же ночью я уложила Тему рядом с собой, сунула ему в рот грудь и счастливо уснула. Нет, нельзя сказать, что спать с грудным ребенком в кровати — мечта. Конечно, он пинается, конечно, я постоянно боюсь, что задавлю его во сне, поэтому сплю на краю кровати, почти с нее свесившись. Но ведь я сплю почти семь часов полноценного сна! А иногда и все десять! Артем приучился, даже проснувшись раньше меня, лежать спокойно, давая мне лишний часок поспать.

С тех пор мне наплевать на правила сна, правила воспитания и вообще любые другие правила.

Но вся эта антивоспитательная лафа закончилась, когда я вышла на работу. Каждое утро (кроме благословенных выходных) я поднимаю свою задницу с постели в шесть утра (кто-то должен за это ответить!), натягиваю на сладко спящего ребенка кучу штанишек-маек-курток-шапок и несусь его в садик. К семи утра!

— Оставьте его в дежурной группе, — с ненавистью глядя на меня, сказала заведующая, когда я проделала это в первый раз.

— Хорошо! — проигнорировала я ее явный намек, что плохо бы приводить мальчонку чуть позже. Хотя бы к восьми. Ничего подобного, в восемь часов я уже должна быть на ра-

бочем месте, потому что в восемь тридцать ко мне потянется очередь из желающих провести платеж, погасить кредит или открыть накопительный счет в нашем отделении большого коммерческого банка «Нефтегаз». Нефть, помноженная на газ, привлекала к себе толпы юридических и физических лиц, а также соискателей, всегда готовых занять мое место, если я допущу какой-то промах. А поскольку я очень хотела ежемесячно получать свои семь сотен зеленых, Тема стабильно оказывался в садике ровно в семь ноль-ноль. Первые месяцы он плакал, канючил и издевался над воспитателями, но потом привык и даже умудрялся добираться до садика, особенно не просыпаясь. Я укладывала его, спящего, на кушетку в дежурной группе (где тоже, собственно, никого, кроме сторожа, не было), и он спал до восьми, а потом вставал и шел в свою группу. Можно сказать, мы достигли гармонии. Всю неделю Тема вел себя как мужественный герой хорошего романа, а в пятницу я забирала его пораньше, и мы шли вместе с Олей, Женей и их выводком в баню недалеко от наших домов на Тимирязевской, где дети всей толпой отрывались за прошедшую неделю. Они пять минут сидели в жаркой, даже душной сауне, а потом два часа без остановки плескались в ледяном бассейне.

— Они не простудятся? — боялась поначалу я.

— Дети в банях не простужаются, — изрекла Ольга и продолжила намазывать медом свою филейную часть.

Оля верила, что мед способен избавить ее от целлюлита, даже если она будет продолжать пить чай с тортиками по три раза на дню. Дети с угрожающе синими губами наперебой кричали «ну, еще немножко», «пять минуточек», «ну, пожа-

луйста». Я, конечно, первое время сомневалась и волновалась, но потом, когда за целый год Тема заболел только в ту неделю, когда мы НЕ поехали в баню, эта традиция стала для нас священной. Почти как в «Иронии судьбы», но только гораздо чаще.

Именно этим мы и занимались сегодня, устало стирая с лица пот и лениво рассказывая друг другу, как прошел день. У меня он прошел как и всегда. Я старательно отлынивала от лишней работы, упредительно выполняя необходимую свою.

— А я сегодня вычитала, что если есть только мясо, то очень быстро можно похудеть. Хочешь? — поинтересовалась Оля.

— Я? — удивилась я. При моем темпе жизни я не набираю ни грамма, даже если бы съела целую тонну. Да, от природы у меня имелись достаточно тяжелые, крупные бедра, которые доставляли мне массу неприятных минут. Но я давно убедилась, что даже если я вообще брошу есть, мои бедра останутся прежними. Кости не худеют, но могут начать выпирать из-под кожи, что будет еще хуже, чем есть. Кроме того, моим главным замечанием к собственной внешности были короткие ноги, которые не смотрелись в юбках, даже если надеть туфли на жутко длинных каблуках. И, конечно, круглое лицо, слишком широкие скулы. В общем, я старалась не думать о внешности, чтобы не расстраиваться. И тем более мне не были интересны бесконечные Ольгины диеты, которые так ничем ей и не помогали.

— Ты что! Белок творит чудеса! — распиналась она, стараясь уверить всех и себя в том числе, что на этот раз все будет иначе.

— Давай ты первая попробуешь, — деликатно отказалась я.

— Предательница! Все опыты на мне ставите, на мне уже живого места нет, — захныкала Оля. — Между прочим, ты могла бы многое изменить в себе, если бы захотела.

— Ага, — кивнула я. — Только что-то не хочется. Я предпочитаю удобную обувь, от которой не хочется сесть посреди улицы и расплакаться. И ветровки я предпочитаю коротким курткам, открывающим живот. И вообще, вся эта мода — дрянь.

— Но как же тогда мужики тебя заметят? Ведь ты не собираешься всю жизнь провести, сидя у окошка своей кассы. Женя, ты обратил бы внимание на нашу Шубину, если бы встретил ее на улице? — Оля решила ударить своим главным аргументом — обращением к мужчине.

— Конечно! — с готовностью отреагировал Женька.

Ольга нахмурилась и прикусила губу.

— А что бы ты заметил?

— Ну, что не перевелись еще на Руси ломовые бабы, — немедленно обломал мои надежды Женька.

Ольга удовлетворенно цыкнула.

— Ну, не знаю, — уперлась я. — А пусть мужики замечают, какая у меня трепетная душа. Нет, не для того я рожала Артема, чтобы снова надевать шпильки и переходить на одно только мясо. И потом, мне кажется, что такая диета откровенно вредна.

— Да уж, доброго слова от тебя на дождешься, — вздохнула Соловейка, и мы пошли вылавливать наших детей из ледяной воды.

Через час, усталые, сонные и довольные, мы подходили к дому. Все было как всегда, ничто не предвещало бури, кото-

рая разразилась буквально через несколько минут. Когда-то я все отдала бы, чтобы случилось то, что случилось, а теперь... Теперь, открыв дверь в квартиру и увидев то, что я увидела, я сказала себе, что, к сожалению, сладкого послебанного сна мне не видать как своих ушей. А жаль!

ГЛАВА 2,

ДОКАЗЫВАЮЩАЯ, ЧТО БАНАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ – НЕ ТАК УЖ И ПЛОХО

К слову сказать, все самые симпатичные события моей жизни, как правило, случаются именно тогда, когда я совершенно этого не жду. Или еще не жду, или уже не жду. Бывало, что я вообще не ожидала того, что происходило. Например, мое поступление в институт. Откровенно говоря, в школе я видела свое будущее в таких домашне-полевых красках. Знаниями я не блистала, училась серединка на половинку. В общем, была твердой троечницей, потому что панически боялась публичных выступлений. Я показывала неплохие результаты в письменных работах, особенно в сочинениях, но немела как рыба, стоило учителям вызвать меня к доске.

— Чему равен икс? Молчишь? Хорошо! Скажи хотя бы, где здесь икс, и я отпущу тебя с миром, — умоляла меня математичка.

— Кто такой Дубровский? Кто такая Маша? Чего они друг от друга хотели? — билась в истерике русичка. Я стойко молчала, как Мальчиш-Кибальчиш. В итоге меня старались вообще не трогать, никуда не вызывали и ставили тройки исключительно из уважения к моим родителям, которые клялись и

божились, что они со мной все учили и что дома я отчетливо понимала, где икс и чего хочет от Маши Дубровский. Однако положение обязывало, и я честно считала себя тупицей, так что ни о каком институте даже не мечтала.

И не замечала бы, если бы не моя драгоценная Ольга, которая первая заподозрила, что не все так просто с моим интеллектом. Мы жили на соседних этажах, сидели за одной партой, прогуливали одни и те же уроки, и уж она-то прекрасно понимала, что молчу я из чистой вредности характера.

— Слушай, ну чего, тебе трудно было ответить?

— А нечего на меня орать, — упиралась я. — У меня нервы. Я у доски каменею. Может, мне ей письма писать?

— Хорошо. Будем учиться выступать публично, — приняла решение Соловейка и стала тренировать меня, заставляя приставать к прохожим, декламируя отрывки классических произведений.

— Я не могу!

— Считай, что они стеклянные, — сверлила меня суровым взглядом подруга. — И вообще, если ты не скажешь вот той страшной тетке в пуховом платке тридцать слов, я тебя заставлю кукарекать на заборе у школы.

— Бегу-бегу, — кивала я, живо представляя себе картинку около школьного поля. Я, красная как рак в кипятке, кричу «ку-ка-ре-ку», а Ольга злится и предает меня анафеме.

Не могу сказать, что смогла полностью преодолеть природную неспособность к ораторскому искусству, но некоторые приемы я все-таки освоила. А конкретно, если я представляла, что вокруг меня зеленый защитный экран, сквозь

который нельзя никому пробиться, я вполне могла что-то там из себя выдавливать.

— Значит, ты ощущаешь опасность, когда тебя заставляют говорить при людях. А что ты чувствуешь конкретно? — пыталась меня Ольга.

— Что мне дадут тумачков! И засмеют, — отвечала я, сама удивляясь собственным ощущениям.

Но Ольга вдруг разгадала головоломку, оставив меня с открытым ртом поражаться, как все оказалось просто.

— Между прочим, это у тебя сестренка отбила весь, понимаешь, дар речи! — выдала она диагноз. — Знаю я твою Галку, небось постоянно на тебя орала и требовала, чтобы ты заткнулась.

— Точно! — вдруг озарило меня. — Она всегда говорила, что я несу чушь и что лучше бы мне и вовсе молчать, чтобы люди не знали, какая я идиотка!

— Вот! Теперь мы точно знаем, что все из-за нее. А поэтому не будем ждать милостей от природы.

— А что будем? — удивилась я.

— Взять их — наша святая обязанность. Неужели ты хочешь просидеть всю жизнь в уголочке только потому, что твоя скотская сестричка в детстве удовлетворяла свои амбиции за твой счет?

— Что?! — ошалела я от сложности конструкции. Соловейка уже в десятом классе поражала меня своим умом и эрудицией.

В общем, к окончанию школы было решено, что мы вместе пойдем в гуманитарный университет. Ольга, само собой, добьется там страшных успехов, ну а меня она надумала

взять с собой, чтобы я от рук не отбилась. Вот так и получилось, что сбылась моя несуществующая мечта. Рисуя мысленный зеленый экран, я оттарабанила два устных экзамена, даже не посмотрев в сторону преподавателя. Неожиданно мне поставили пятерки и зачислили в вуз.

— Вот видишь! — радовалась Ольга, показывая мне свои четверки.

Надо отдать подруге должное, ее ничуть не смутило это досадное недоразумение. В любом случае мы были очень счастливы, потому что получили возможность несколько лет по-прежнему сидеть рядом за одной партой и заниматься своими делами. Конечно, до тех пор, пока я не отчебучила Большой Любви с преподавателем истории на четвертом курсе. Тоже, к слову говоря, совершенно неожиданный роман. Он, которому были доступны самые красивые, стройные и длинноногие студентки, жаждущие зачета и острых жизненных впечатлений, выбрал меня, потому что я всего-навсего отлично умела слушать. Я сидела с открытым ртом на всех его лекциях, с благоговением внимала ему на экзаменах. И с таким же благоговением приняла его предложение не толкаться так поздно в метро, а проехаться с ним на машине.

— Ты просто выглядишь совершенно наивной девчонкой, — анализировала его порыв Ольга. — В то время как он давно привык к распущенным студенткам с сигаретами.

— Образно! Прямо как в жизни, — восхитилась я.

— Ну, а то. И тут ты со своим круглым личиком, курносым носом и наивными голубыми глазками. «Неужели! Что вы говорите! Какой вы умный! Вау!»

— Ну, так ведь сработало! — радовалась я. Роман со

взрослым опытным мужиком — это как раз то, что надо в двадцать лет. Если бы только все не кончилось так болезненно. Если б я не решила, что Он — моя судьба, Большая Любовь и все такое. Короче, напридумывала себе всяких глупостей, а потом локти кусала. Впрочем, о чем это я? Все к лучшему.

Были и еще случаи, когда в моей жизни неожиданно исполнялись самые разные желания. Например, однажды я страшно захотела поехать летом на море. Я уговаривала маму, я прессовала папу, я даже пыталась заполучить в союзники Галку, но все было без толку. Все долбаное лето я проторчала на нашей покосившейся даче. Я прополола несчетное количество грядок, поздоровела и округлилась на воздухе и думать забыла о море. И как раз тут папаша принес путевку в крымский санаторий! Отцу выделили ее для поправки здоровья, которое, кстати, действительно к тому времени сильно расшаталось. Где-то через год его сердце все-таки не выдержало, и он умер. Жить без папы — все равно что жить без руки. Ее уже нет, но периодически она болит и ноет. Впрочем, откуда мне знать, как жить без руки? Могу только сказать, что без папы я несколько лет ходила с ощущением, что я забыла что-то очень важное, но что — совершенно не могу вспомнить. Потом я вспоминала, что папы больше нет, и плакала. Со временем это происходило все реже, но Оляка как-то сказала, что в Михаиле Артуровиче я пыталась найти потерянного отца.

— Задолбала ты меня со своими теориями, — обиделась я.

Но кто знает, возможно, Ольга была не так уж и не права. Главное, что большинство хороших (и вообще) любых событий происходит в моей жизни именно в тот момент, когда я

совершенно их не ожидаю. Вот и в эту пятницу я открыла дверь своей квартиры и втолкнула в нее Темыча, мечтая только об одном: поскорее заснуть крепким здоровым сном, доставив крови восторженно носиться по венам, прогретым горячим паром. Моя кожа изнывала после дубового веника, воображение уже рисовало сладкие сны, но тут я увидела феерическую картину. На нашей кухне в милой беседе застыли моя дорогая «язва» Галина и... кто бы вы подумали? Именно! Михаил Артурович собственной персоной. Чуть более седой и немного потолстевший. У мужчин за сорок каждый год отпечатывается на лице и теле.

Михаил Артурович, чуть вздыхая, что-то душевнейшим образом рассказывал моей сестрице, а та дула на чашку с чаем и внимательно его слушала.

— Что здесь происходит? — ляпнула я раньше, чем мне захотелось сбежать. А сбежать захотелось сразу же, как только Михаил Артурович оторвал липкий взгляд от Галки и перевел его на меня.

— А вот и Юлечка, — приторно улыбаясь, прошептала сестрица.

Мне стало плохо. Версия, что Он пришел не ко мне, а к сестре, была, конечно, не самой приятной, но очень безопасной. Потому что если он пришел ко мне, то зачем? Прошло три года, денег я ему не должна, он мне тоже, поскольку я ничего у него не просила. Кроме Вечной Любви, в которой он мне грубо и цинично отказал.

— Да. Здравствуй, Юля, — проникновенно и почему-то немного пристыженно сказал он, отчего я немедленно запаниковала и потеряла дар речи.

— Что с тобой? — строго посмотрела на меня Галья. — Немедленно поздоровайся с человеком.

Я промолчала, судорожно представляя себя за зеленым экраном.

— Юля, в чем дело? — поднялся из-за стола Он.

— Не буду вам мешать, — сказала я и позорно рванула в комнату. Меня потрясывало. Очень хотелось застучать по батарее в надежде, что Ольга услышит и примчится ко мне на помощь.

— Мама, это кто? — взволнованно спросил Тема, хватая меня за руки.

— Это? Так, один дядя. Просто дядя, — лепетала я, но скотская сестрица уже верещала за дверью:

— Темочка, пойди сюда. Я хочу познакомить тебя с твоим папой.

— Мам? — растревожился сынок. — Она врет?

— Ага, — кивнула я, чуть не зарыдав. — Нет, не врет.

— Нет? — Тема раскрыл рот и покосился на дверь. Потом, к моему ужасу, улыбнулся самой своей чистой и радостной улыбкой и рванул к дверям. Оттуда понеслась возня, голоса, обрывок вопроса «почему ты не приходил раньше». Я не стала слушать ответ, потому что знала, что все равно ни слова правды Он не скажет. Я сидела и смотрела в окно. Господи, какая же я была дура! Зачем я роптала на судьбу? Нам было так хорошо вдвоем, Артемка был только мой и ничей больше. Я могла не переживать, я точно знала, кто подлец, а кто нет. И вот на тебе, пожалуйста. Явился! И что мне с ним делать? Какие у него намерения? А вдруг он еще раз возьмет да и развалит всю мою с таким трудом налаженную жизнь?

— Юля, может, все-таки поговорим? — просунул голову в мою комнату Михаил Артурович.

— О чем? — я угрожающе засопела носом. — Что еще ты можешь мне сказать сверх всего сказанного раньше?

— Я понимаю, как я перед тобой виноват, — удрученно поник он. — Ты только не думай, что я себя как-то оправдываю. Это было просто свинством — оставить тебя одну, с грудным ребенком на руках.

— Да, ты виноват. Да, ты подлец. И позволь тебе напомнить, что ты вообще не хотел, чтобы этот ребенок появился на свет! — гордо высказалась я. Волнение прошло, и зеленый экран работал прекрасно.

— Тише, — вдруг зашипел Михаил Артурович. — Не надо так говорить, а вдруг он услышит.

— А тебе чего?

— Слушай, он такой красивый, — неожиданно Михаил Артурович широко улыбнулся, в его глазах мелькнула отцовская гордость.

Боже мой, когда-то я бы отдала все, чтобы только увидеть эту улыбку. А теперь мне в глаза бросилось только то, что мой Темка улыбается точь-в-точь как его отец. И этого не соотрешь. Я уже и забыла, какой он — мой бывший, а теперь оказывается, что сын как две капли воды похож на него.

— Он очень красивый, но при чем тут ты? — обиделась я, так как покусилась на что-то очень важное и исключительно мое.

— Я не хотел тебя обидеть, но, кажется, ты сейчас не готова для серьезного разговора. Я только скажу, что хотел бы

исправить те ошибки, которые совершил. Мальчику нужен отец, я дурак, что не понимал этого раньше.

— И что? Ты хочешь стать ему отцом? — усмехнулась я. — Не поздновато ли?

— Ему всего три года! — напомнил мне Михаил Артурович.

— Три с половиной, — поправила я.

— И отлично. Я еще много всего успею. Я могу собирать с ним авиамодели, могу проверять уроки, водить на детские представления, — принялся перечислять он.

— Мне ничего не нужно, — упрямо проговорила я, но ничего не смогла поделаться со своим сердцем. Оно забилося сильнее, рисуя картины счастливого, улыбающегося Темки, его смеха, радости от того, что самый настоящий родной отец подбрасывает его на руках.

— Я оставил твоей сестре денег. Не так много, как хотелось бы, но это только начало. Не надо никак реагировать сейчас. Я позвоню, и у нас еще будет время, чтобы обо всем поговорить.

— Когда? — не удержалась и спросила я.

— Когда хочешь. Хоть завтра. У меня выходной, а у тебя? — он моментально принял и отбил подачу.

— Тоже выходной.

— Ну тогда, может, встретимся? Поговорим, расставим точки над «і». Я только хочу сделать как лучше для ребенка. — Он был искренним. За время нашего романа я успела его немного изучить. Михаил Артурович мог виртуозно врать, мог передергивать факты, если это было в его интересах. И я отлично знала, что он умеет быть жестким. Но сейчас он не

врал. И разрази меня гром, если я поняла, что подвигло его на такие жертвы.

— Мы завтра собирались идти в зоопарк, пока не похолодало. Хочешь, пойдем с нами? — проклиная себя за слабость, предложила я.

— С удовольствием! — хищно улынулся он.

Я мгновенно насупилась.

— Но имей в виду, лично меня ты совершенно не заботишь. Если бы Тема так к тебе не рванул, я бы с тобой словом не перемолвилась.

— Ну, не надо меня добивать. Лежачего не бьют, — поднял руки в шутовой капитуляции Михаил Артурович.

Я отвернулась, всей спиной демонстрируя, как он мне безразличен. Через минуту по звуку закрывающейся двери поняла, что он ушел. Для страховки еще какое-то время посидела в комнате, а потом выскочила, чтобы успеть перехватить сестру до того, как она убежит разнести сплетню по всему двору. Сплетницей она была профессиональной. Можно сказать, это было единственным, что она умела делать в совершенстве. А какие еще могут быть занятия у старой девы?

— Галка, откуда он тут взялся? — пристала я, загораживая собой вешалку с куртками. Как я и думала, Галина уже навострила лыжи в сторону выхода.

— Иди дай бабуле попить. Она просила. — Проигнорировав мой вопрос, сестра пыталась выхватить хоть что-то из-за моей спины.

— Бабуля подождет. Она никогда меня не узнает и даже иногда просит, чтобы официант принес счет, так что это точно не важно. Говори, откуда он взялся!